

УДК 81'27

ББК Ш100.3

ГСНТИ 16.21.27

Код БAK 10.02.01

К. Н. Лоскутова
Москва, РоссияK. N. Loskutova
Moscow, Russia**ЯЗЫК ПРАВА
В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКЕ
(ТЕКСТЫ СОВЕТСКИХ КОНСТИТУЦИЙ
1918 И 1936 ГОДОВ)****LANGUAGE OF LAW
IN POLITICAL LINGUISTICS
(TEXTS OF THE SOVIET
CONSTITUTIONS 1918 AND 1936)**

Аннотация. Обосновывается необходимость привлечения правовых текстов в качестве исследовательского материала для политической лингвистики. Лексико-семантический анализ правовых текстов позволяет проводить строгий отбор и классификацию политически актуальной лексики. Полученные результаты могут применяться в исследованиях по когнитивной лингвистике и лингвокультурологии.

Abstract. The necessity of analysis of law texts in the context of political linguistics is stated. Lexico-semantic analysis of law texts allows to choose and classify politically topical lexis. The results of the study may be used in research works in cognitive linguistics and lingoculturology.

Ключевые слова: право; Конституция; советский; синонимия; референция; политическая актуальность лексики.

Key words: law; Constitution; Soviet; synonymy; reference; political topicality of lexis.

Сведения об авторе: Лоскутова Ксения Никитична, атташе Департамента лингвистического обеспечения Министерства иностранных дел РФ, аспирант.

About the author: Loskutova Kseniya Nikitichna, Attache of the Department of Linguistic Support of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Post-graduate Student.

Место работы: Санкт-Петербургский государственный университет.

Place of employment: St. Petersburg State University.

Контактная информация: 119200, Москва, Смоленская-Сенная пл., д. 30, стр. 2, корп. 1.
e-mail: ksenia_loskutova@yahoo.com.

Язык права принято рассматривать отдельно от языка политики. Так, в классическом российском учебнике по политической лингвистике А. П. Чудинова [Чудинов 2007] нет раздела, посвященного языку права. (Предлагаемая статья является лингвистической, а не юридической, поэтому нет необходимости различать понятия *право*, *законодательство* и *закон* — они используются синонимично. Теоретическая база исследования сформировалась в период выполнения переводов официальных политических текстов в Организации Объединенных Наций и Министерстве иностранных дел России. Высказываемые в отношении сущности языка права идеи согласованы с работами ведущих российских специалистов по теории государства и права.)

Разграничение языка политики и языка права объясняется тем, что юриспруденция как самостоятельная наука насчитывает не менее двух тысяч лет. Говорить же о появлении политологии как самостоятельной науки можно не ранее второй половины XIX в. [Политология 2001: /15.php]. В России интерес к политологии появляется лишь в конце XX в. Однако это не мешает отказаться от «очевидного» разграничения политики и права и рассматривать язык права как часть языка политики, что может оказаться плодотворным для политической лингвистики. Ряд теоретических положений данной статьи обосновывает возможность включения языка права в язык политики, а анализ материала демонстрирует эффективность использования категорий права в исследованиях по политической лингвистике.

Во-первых, следует сказать о том, что политика и право объединены понятием *власть*. Понятие *власть* присовокупляет к политике и праву еще и *идеологию*. В результате анализа современных словарей социальных наук и классических

энциклопедических словарей советской эпохи можно предложить такие определения понятий «политика», «идеология» и «власть», содержащие наиболее актуальные для политической лингвистики свойства: *политика* — это деятельность, направленная на достижение, удержание и усиление власти; *идеология* — это система взглядов, объясняющая преимущества той или иной формы принадлежности и распределения власти; *право* — это способ языкового закрепления той или иной формы принадлежности и распределения власти, а также контроля за ее осуществлением.

Хотя политика, право и идеология объединены понятием «власть», они не являются рядоположаемыми понятиями. Политика — это деятельность, идеология — система взглядов, а право — способ закрепления власти. Это разграничение допускает возможность пересечения политики и права.

Вторым аргументом в пользу рассмотрения языка права в рамках языка политики является сходство целей политической и юридической коммуникации. Как пишет А. П. Чудинов, целью политической коммуникации является борьба за власть, а целью юридической коммуникации является регулирование правоотношений [Чудинов 2007 : 35]. Отношения же, которые регулирует право, — это в первую очередь общественно-политические отношения. Иными словами, право регулирует вопрос о том, кому принадлежит власть. В связи с этим наибольший интерес представляет собой конституционное право. Именно конституционное право является основой общественно-политических отношений, а политическая лингвистика изучает коммуникацию в этой сфере.

На практике выполнять анализ текстов конституций можно в различных аспектах: политический режим и его отражение в языке; политиче-

ский язык нестабильного и стабильного общества; структура общества и ее отражение в языке; структура государственной власти и ее отражение в языке и т. д.

Следует помнить, что, работая с любым правовым текстом, в частности с текстом конституции, мы всегда имеем дело с официальным политическим языком.

Для анализа выбраны тексты Конституции РСФСР 1918 г. и Конституции СССР 1936 г. Такой выбор продиктован тем, что первые 20 лет советской власти — интереснейший период в истории нашей страны. Эта эпоха предоставляет уникальный для политической лингвистики материал: за короткий период было принято несколько конституций. Конституция РСФСР 1918 г. была конституцией революционного правительства, которое не было признано на международном уровне и контролировало только часть территории страны. Конституция СССР 1924 г. не привлекается к анализу, поскольку затрагивает только вопросы образования нового государства — СССР, права республик и верховных органов власти. Принятая сразу за ней Конституция РСФСР 1925 г. в основном повторяет текст Конституции 1918 г. Конституция СССР 1936 г. была полной противоположностью Конституции 1918 г., как конституция политически стабильного государства, имеющего строгие границы, осуществляющего фактический контроль на всей территории, а также признаваемого международным сообществом (при работе использовались тексты, доступные на сайте информационно-правового портала «Гарант» [URL: <http://www.garant.ru>], в цитатах указывается год принятия Конституции и номер цитируемой статьи).

Центральное место в статье отводится анализу политического языка нестабильного и стабильного общества, а также проблеме отражения структуры общества в языке. На материале текстов конституций рассматриваются оппозиция «цель — результат», синонимия в правовом тексте, а также выделение политически актуальной лексики на основании признака наличия/отсутствия политического права.

А. Оппозиция «цель — результат». В Конституции 1918 г. доминируют так называемые нормы-цели. В современном языке права норма-цель грамматически оформляется как утвердительное предложение со сказуемым в форме настоящего времени, которое не содержит лексем *задача* и *цель*, в том числе в составе предлогов *в целях* и *с целью*. В качестве примера можно привести текст действующей Конституции Российской Федерации [Конституция Российской Федерации]: *Российская Федерация — Россия есть демократическое федеративное правовое государство с республиканской формой правления* (Конституция РФ 1993, 1-1).

Как цель здесь устанавливается создание правового государства, поскольку ни одно государство на данный момент не реализует принцип верховенства права и не является правовым.

В Конституции 1918 г. существительное *задача* употреблено 6 раз, существительное *цель* — 3 раза, предлог *в целях* — 9 раз, предлог *с целью* — 2 раза. Например: *Основная задача рассчитанной на настоящий переходный момент Консти-*

туции РСФСР заключается в установлении диктатуры городского и сельского пролетариата и беднейшего крестьянства в виде мощной Всероссийской Советской власти в целях полного подавления буржуазии, уничтожения эксплуатации человека человеком и водворения социализма (1918, ст. 9).

Текст Конституции 1918 г. отличается концентрацией таких лексем, как *цель*, *задача*, *подготовление*, *переходный*, которые объединены общим компонентом значения — *будущее*: *Финансовая политика Российской Социалистической Федеративной Советской Республики в настоящий переходный момент диктатуры трудящихся способствует основной цели экспроприации буржуазии и подготвления условий для всеобщего равенства граждан Республики в области производства и распределения богатств. В этих целях она ставит себе задачей предоставить в распоряжение органов Советской власти все необходимые средства для удовлетворения местных и общегосударственных нужд Советской Республики, не останавливаясь перед вторжением в право частной собственности* (1918, ст. 79).

Анализ сходных контекстов в Конституции 1936 г. дает иной результат. Если в Конституции 1918 г. доминирует смысловое соотношение *цель — будущее*, то в Конституции 1936 г. актуальны компоненты *имеющийся результат — настоящее*. В Конституции 1936 г. используется лексема *результат* в составе предлога *в результате* (2 употребления): *Политическую основу СССР составляют Советы депутатов трудящихся, выросшие и окрепшие в результате свержения власти помещиков и капиталистов и завоевания диктатуры пролетариата* (1936, ст. 2); *Экономическую основу СССР составляют социалистическая система хозяйства и социалистическая собственность на орудия и средства производства, утвердившиеся в результате ликвидации капиталистической системы хозяйства, отмены частной собственности на орудия и средства производства и уничтожения эксплуатации человека человеком* (1936, ст. 4).

Значение результата подкрепляется и формами причастий прошедшего времени: *выросший, окрепший, утвердившийся*.

В Конституции 1918 г. предлог *в целях* употребляется в основном в статьях, устанавливающих права граждан: *В целях обеспечения за трудящимися действительной свободы совести церковь отделяется от государства и школа от церкви, а свобода религиозной и антирелигиозной пропаганды признается за всеми гражданами* (1918, ст. 13).

В Конституции 1936 г. предлог *в целях* употребляется лишь 3 раза, причем его использование обусловлено скорее традицией синтаксического построения статей с этим предлогом в начале предложения: *В целях обеспечения за гражданами свободы совести церковь в СССР отделена от государства и школа от церкви. Свобода отправления религиозных культов и свобода антирелигиозной пропаганды признается за всеми гражданами* (1936, ст. 124).

В большинстве же случаев то, что в Конституции 1918 г. устанавливалось в качестве цели, в Конституции 1936 г. воспринимается как данность: *В целях обеспечения за трудящимися действительного доступа к знанию Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика ставит своей задачей...* (1918, ст. 17); ср.: *Граждане СССР имеют право на образование...* (1936, ст. 121).

В Конституции 1936 г. существительные задача и цель, а также предлог с целью не встречаются, предлог в целях употреблен лишь 3 раза.

В. Синонимия и проблема референции. Конституция 1918 г., в отличие от Конституции 1936 г., содержит синонимические ряды. Самым ярким примером синонимии в Конституции 1918 г. является ряд наименований государства. В качестве доминанты синонимического ряда мы принимаем наименование *Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика*, которое, во-первых, использовано в полном названии Конституции и, во-вторых, является наиболее употребительным (49 употреблений). В качестве дублетов используются названия *Россия*, *Советская Республика*, *Советская Республика*, просто *Республика* и даже *Российская Федерация*. Иногда разные наименования государства встречаются в одной статье. Вероятно, это обусловлено желанием авторов избежать навязчивых повторов. Например: *Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика предоставляет все политические права российских граждан иностранцам, проживающим на территории Российской Республики для трудовых занятий и принадлежащим к рабочему классу или к не пользующемуся чужим трудом крестьянству...* (1918, ст. 20); *Ведению Всероссийского Съезда Советов и Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов подлежат все вопросы общегосударственного значения, как-то: ... д) принятие в состав Российской Социалистической Федеративной Советской Республики новых сочленов Советской Республики и признание выхода из Российской Федерации отдельных частей ее* (1918, ст. 49-д).

Строго говоря, на основании текста Конституции 1918 г. невозможно сделать вывод о том, что указанные слова и словосочетания имеют одно значение и один референт. Мы делаем этот вывод по умолчанию как люди, знакомые с ситуацией. С точки зрения юридической техники, любой правовой документ требует однозначной референции. Допустимо думать, что наименование *Россия* относится не к новому государству РСФСР, а к Российской империи: *Не избирают и не могут быть избранными... члены царствовавшего в России дома* (1918, ст. 65-д).

Примером того, как можно разрешить проблему референции синонимов в правовом тексте, служит действующая Конституция Российской Федерации: *Российская Федерация — Россия есть демократическое федеративное правовое государство с республиканской формой правления. Наименования Российская Федерация и Россия равнозначны* (Конституция РФ 1993, ст. 1).

В Конституции 1918 г. вопрос референции усложняется наличием двух статей, содержащих разные определения России и Российской Республики: *Россия объявляется Республикой Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Вся власть в центре и на местах принадлежит этим Советам* (1918, ст. 1); *Российская Республика есть свободное социалистическое общество всех трудящихся России. Вся власть в пределах РСФСР принадлежит всему рабочему населению страны, объединенному в городских и сельских Советах* (1918, ст. 10).

Расхождение в формулировках можно объяснить тем, что Конституция РСФСР 1918 г. состоит из двух разделов, причем эти разделы были приняты в разное время. Первый раздел (ст.ст. 1—8) — это Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа, которая была утверждена в январе 1918 г. Второй раздел (ст.ст. 9—90) — это Общие положения Конституции, которые были утверждены 10 июля 1918 г. Как видим, статьи 1 и 10 принадлежат к разным разделам. Однако с появлением Конституции как «единого основного закона» эти статьи вошли в противоречие друг с другом.

Текст Конституции 1936 г. содержит только одно наименование государства — *Союз Советских Социалистических Республик*, или *СССР*: *Союз Советских Социалистических Республик есть социалистическое государство рабочих и крестьян* (1936, ст. 1).

Выделяются в тексте Конституции 1918 г. и следующие синонимические ряды: *эксплуататоры*, *имущие классы*, *паразитические слои общества*, *нетрудовые элементы*. Некоторые члены синонимического ряда имеют эмоционально-оценочную окраску.

Наличие близких по значению слов и словосочетаний, равнозначность которых нигде не эксплицирована, а также наличие нескольких статей, содержащих разные определения одного понятия, юридически недопустимо. Юридические тексты требуют однозначности и избегают избыточности, в том числе синонимии. Это сводит на нет и возможность появления оценочной лексики. В Конституции 1936 г. синонимии ключевых политико-правовых понятий нет. Наличие перечисленных явлений в Конституции 1918 г. делает ее похожей на политический манифест или политическую декларацию, которая в большей степени рассчитана на эмоциональное воздействие и не требует логичности в смысловой организации текста. С этой точки зрения, Конституция 1936 г. является сухим юридическим текстом, в котором лексемы *эксплуатация*, *капиталист* и *пролетариат* употребляются как дань традиции в первых четырех статьях.

С. ВЫДЕЛЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКИ АКТУАЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ НА ОСНОВАНИИ ПРИЗНАКА НАЛИЧИЯ/ОТСУТСТВИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРАВА. Мы считаем, что язык права дает возможность четко определять наиболее актуальную с политической точки зрения лексику, т. е. лексику, которая в первую очередь интересует специалиста по политической лингвистике. Попробуем продемонстрировать это на примере существительного *трудящийся*. Является ли эта лексема политически актуальной сейчас? Явля-

лась ли она политически актуальной в советское время? Ответы на эти вопросы кажутся очевидными, но стоит рассмотреть их пристальнее.

Прежде всего проанализируем значение лексемы *трудящийся* из толкового словаря русского языка под редакцией Д. Н. Ушакова [Ушаков 1935—1940]. Обратим внимание, что в качестве примера употребления в словаре приводятся цитаты из текста Конституции 1936 г:

ТРУДЯЩИЙСЯ, аяся, ейся. 1. Прич. действ. наст. вр. от трудиться. 2. То же, что **трудо**вой в 3 знач. *Трудящиеся население. Трудящиеся женщины Востока.* 3. То же в знач. сущ. **труд**ящийся, егося, м., **труд**ящаяся, ейся, ж. *Вся власть в СССР принадлежит трудящимся города и деревни в лице Советов депутатов трудящихся.* Конституция СССР.

Посмотрим соотносительные однокоренные слова.

ТРУДОВОЙ, ая, ое. 1. Прил. к труд в 1 знач. ... 3. Живущий заработком от своего труда, физического или умственного.

Это значение реализуется в таких словосочетаниях, как *трудовой человек, *трудовое население, *трудовое крестьянство, *трудовая интеллигенция.****

ТРУД, а, м. 1. только ед. Целесообразная деятельность человека, работа, требующая умственного и физического напряжения.

Итак, существительное *трудящийся* имеет значение «человек, живущий заработком от своего труда, физического или умственного».

Соотнесем это значение со статистикой употребления слова *трудящийся* в Конституциях 1918 и 1936 гг. В Конституции 1918 г. существительное *трудящийся* употреблено 14 раз, всегда в форме множественного числа; 6 раз употреблено причастие *трудящийся*, всегда во множественном числе, в словосочетаниях «трудящиеся массы» и «трудящиеся классы»: *В осуществление социализации земли частная собственность на землю отменяется и весь земельный фонд объявляется трудящимся без всякого выкупа, на началах уравнительного землепользования* (1918, ст. 3-а); *...создать действительно свободный и добровольный, а следовательно тем более полный и прочный, союз трудящихся классов всех наций России* (1918, ст. 8).

В одном случае грамматическая характеристика лексемы *трудящийся* осложнена недостаточностью контекста. В приводимом примере лексема *трудящийся* может быть как существительным, так и причастием: *Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика признает труд обязанностью всех граждан Республики и провозглашает лозунг: „Не трудящийся да не ест“* (1918, ст. 18).

Что касается текста Конституции 1936 г., то в нем лексема *трудящийся* встречается 38 раз, грамматически является существительным и всегда стоит в форме множественного числа (часто с несогласованным определением): *Вся власть в СССР принадлежит трудящимся города и деревни в лице Советов депутатов трудящихся* (1936, ст. 3).

Количественное преобладание формы множественного числа в обеих конституциях говорит в пользу того, что в качестве наиболее политически актуальной лексемы используется именно лексе-

ма *трудящиеся* в значении «класс людей, живущих заработком от своего труда, физического или умственного». Словосочетания *трудящиеся классы* и *трудящиеся массы* интерпретируются некоторыми исследователями как способ выражения недискретного множества [Румянцева 2009].

Теперь проследим, как изменялась политическая актуальность существительного *трудящиеся*. Критерием политической актуальности слова для нас выступает соотнесенность его содержания с правом — наличием или отсутствием той или иной правовой нормы, разрешающей, обязывающей или запрещающей. Наличие или отсутствие нормы отражено в текстах конституций.

Следует оговорить, что политически актуальными являются не только лексемы со значением социальных групп. Политически актуальными могут быть и лексемы со значением тех или иных прав, обязанностей или запретов. Например, в контексте лексемы «трудящиеся» можно говорить о политической актуальности лексемы «труд»: *Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика признает труд обязанностью всех граждан Республики* (1918, ст. 18).

Стандартными примерами прав и обязанностей являются право на жизнь, право на образование, право на труд, избирательное право, военная обязанность. Власть также можно рассматривать как право. Это соответствует как профессиональному юридическому, так и непрофессиональному значению существительного *власть*. Согласно толковому словарю русского языка под редакцией Д. Н. Ушакова, *власть* — это «право и возможность подчинять кого-что-нибудь своей воле, распоряжаться действиями кого-нибудь».

Вся власть в пределах Российской Социалистической Федеративной Советской Республики принадлежит всему рабочему населению страны, объединенному в городских и сельских Советах (1918, ст. 10).

На основании признака наличия политической власти у определенных социальных групп выделяется политически актуальная лексическая единица *рабочее население*. Однако в этом же тексте есть статья, согласно которой *власть* является компонентом значения не только словосочетания «рабочее население», но и словосочетания «трудящиеся массы» и лексемы «трудящиеся»: *В интересах обеспечения всей полноты власти за трудящимися массами и устранения всякой возможности восстановления власти эксплуататоров декретируется вооружение трудящихся, образование Социалистической Красной Армии рабочих и крестьян и полное разоружение имущих классов* (1918, ст. 3-ж); *Как первый шаг к полному переходу фабрик, заводов, рудников, железных дорог, прочих средств производства и транспорта в собственность Советской Рабоче-Крестьянской Республики, подтверждается Советский закон о рабочем контроле и о Высшем Совете Народного Хозяйства в целях обеспечения власти трудящихся над эксплуататорами* (1918, ст. 3-в).

Представляется, что это связано с описанным выше явлением синонимии и избыточности в тексте Конституции 1918 г. Итак, на основании ком-

понента значения *наличие власти* формируется целый синонимический ряд: *трудящиеся, трудящиеся массы, рабочее население*. В данном тексте доминанту синонимического ряда мы можем выделить только по частотности употребления — *трудящиеся*. Следует отметить, что в последнем примере (1918, ст. 3-в; см. выше) признак власти передан некорректно, поскольку понятие государственной власти обширнее понятия власти над эксплуататорами.

По отношению к власти выделяется социальная группа, которая властью не обладает. Название этой социальной группы также должно пониматься как политически актуальная для данного периода единица словаря. Это такие лексемы и словосочетания, как *эксплуататоры, имущие классы, паразитические слои общества, нетрудовые элементы*.

Относительно признака наделенности властью лексемы *трудящиеся* и *эксплуататоры* в современном русском языке актуальными не являются. На основании того же признака наличия власти политически актуальными можно назвать единицы «народ», «органы государственной власти» и «органы местного самоуправления»: *Носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ. Народ осуществляет свою власть непосредственно, а также через органы государственной власти и органы местного самоуправления* (Конституция РФ 1993, ст. 2-1, 2).

Приведем другой пример, в котором основанием для выделения лексемы *трудящиеся* как политически актуальной является утверждение за обозначаемым ей классом права защищать революцию с оружием в руках: *В целях всемерной охраны завоеваний Великой Рабоче-Крестьянской Революции Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика признает обязанностью всех граждан Республики защиту социалистического отечества и устанавливает всеобщую воинскую повинность. Почетное право защищать революцию с оружием в руках предоставляется только **трудящимся**; на **нетрудовые же элементы** возлагается отправление иных военных обязанностей* (1918, ст. 9).

Относительно этого права а) выделяется социальная группа трудящихся, которая обладает этим правом, и б) социальная группа нетрудовых элементов, которая им не обладает. Таким образом, оппозиция двух социальных групп оформляется политически актуальной лексикой, образующей антонимическую пару.

Помимо отношений синонимии и антонимии политически актуальных лексических средств, можно установить и описать их родо-видовые отношения. Например, на основании текста статей 64 и 65 Конституции 1918 г. выделяется лексика, обозначающая разновидности социальных групп трудящихся и видов социальных групп нетрудовых элементов. Так, право избирать и быть избранными в Советы имеют: *независимо от вероисповедания, национальности, оседлости и т. п., следующие обоего пола граждане Российской Социалистической Федеративной Советской Республики, коим ко дню выборов исполнилось во-*

семнадцать лет: а) все добывающие средства к жизни производительным и общественно полезным трудом, а также лица, занятые домашним хозяйством, обеспечивающим для первых возможность производительного труда, как-то: рабочие и служащие всех видов и категорий, занятые в промышленности, торговле, сельском хозяйстве и проч., крестьяне и казаки-земледельцы, не пользующиеся наемным трудом с целью извлечения прибыли; б) солдаты Советской армии и флота; в) граждане, входящие в категории, перечисленные в пунктах „а“ и „б“ настоящей статьи, потерявшие в какой-нибудь мере трудоспособность (1918, ст. 64).

Если вся власть в государстве принадлежит Советам (1918, ст. 1) и рабочему населению страны (1918, ст. 10), то перечисленные в статье 64 названия групп населения находятся в родо-видовых отношениях с лексемой *трудящиеся*. Аналогичная рубрикация устанавливается и для групп нетрудовых элементов на основании текста статьи 65: *Не избирают и не могут быть избранными, хотя бы они входили в одну из вышеперечисленных категорий: а) лица, прибегающие к наемному труду с целью извлечения прибыли; б) лица, живущие на нетрудовой доход, как-то проценты с капитала, доходы с предприятий, поступления с имущества и т. п.; в) частные торговцы, торговые и коммерческие посредники...* (1918, ст. 65).

Итак, мы установили синонимические, антонимические и родо-видовые отношения лексемы *трудящиеся* на основании наличия или отсутствия того или иного права.

Остается ли лексема *трудящиеся* ключевой в политическом языке с момента вступления в силу Конституции 1936 г.? Если анализировать только текст Конституции 1936 г., то в ней нет ни одной статьи, которая устанавливала бы особые политические права трудящихся, как это было в Конституции 1918 г. По Конституции 1936 г., вся власть принадлежит «трудящимся». Избирательным правом, т. е. фактическим доступом к власти, обладают «все граждане государства». *Вся власть в СССР принадлежит трудящимся города и деревни в лице Советов депутатов трудящихся* (1936, ст. 3); *Выборы депутатов являются всеобщими: все граждане СССР, достигшие 18 лет, независимо от расовой и национальной принадлежности, вероисповедания, образовательного ценза, оседлости, социального происхождения, имущественного положения и прошлой деятельности, имеют право участвовать в выборах депутатов и быть избранными, за исключением умалишенных и лиц, осужденных судом с лишением избирательных прав* (1936, ст. 135).

Таким образом, с этого момента лексема *трудящиеся* перестает быть политически актуальной, потому что в 1936 г. официально было признано, что полная победа над имущими классами достигнута и что все граждане СССР являются трудящимися, поэтому отпала необходимость противопоставлять их нетрудящимся.

Однако лексема *труд* оставалась политически актуальной. Конституция 1936 г. называла

труд не только правом и обязанностью граждан СССР, но и делом чести, хотя последняя характеристика не имеет никакого юридического наполнения: *Труд в СССР является обязанностью и делом чести каждого способного к труду гражданина по принципу: «кто не работает, тот не ест»* (1936, ст. 12); *Граждане СССР имеют право на труд, то есть право на получение гарантированной работы с оплатой их труда в соответствии с его количеством и качеством. Право на труд обеспечивается социалистической организацией народного хозяйства, неуклонным ростом производительных сил советского общества, устранением возможности хозяйственных кризисов и ликвидацией безработицы* (1936, ст. 118).

Лексема *труд* до сих пор остается политически актуальной, поскольку право на труд регулируется и действующей Конституцией РФ: *Труд свободен... Каждый имеет право на труд в условиях, отвечающих требованиям безопасности и гигиены* (Конституция РФ 1993, ст. 37).

Итак, на основании анализа текста одного жанра — Конституции — выделяется лексика, являющаяся политически актуальной в определенную эпоху. Началом политической эпохи считается вступление в силу одной Конституции, ее окончанием — вступление в силу следующей Конституции. Приведенная ниже таблица отражает результаты исследования.

Таблица.

Актуальная политическая лексика
в период действия Конституции РСФСР 1918 г. (1918—1936 гг.)

Ключевая лексическая единица и ее синонимы	трудящиеся, трудящиеся массы, рабочее население	Отношения антонимии ↔	эксплуататоры нетрудовые элементы, имущие классы, паразитические слои общества
Родо-видовые отношения	– лица, добывающие средства к жизни производственным и общественно полезным трудом; – лица, занятые домашним хозяйством, обеспечивающим для первых возможность производительного труда		– лица, прибегающие к наемному труду с целью извлечения прибыли; – лица, живущие на нетрудовой доход; – частные торговцы, торговые и коммерческие посредники и т. д.
Нормы права, актуальные для ключевой лексической единицы и ее синонимов	– власть и доступ к власти (избирательное право); – право на ношение оружия ; – труд		

Правовые тексты представляют собой очень удобный для исследования материал. Они ограничены по объему, в отличие от языка СМИ. Продемонстрированный в статье принцип работы с правовыми текстами позволяет проводить строгий отбор и классификацию политически актуальной лексики, чтобы в дальнейшем использовать полученный результат в исследованиях по когнитивной лингвистике и лингвокультурологии. На основании полученных данных можно выделить лексику, обозначающую представителя того или иного социального класса. Следующим шагом может стать привлечение неправовых текстов и классификация присутствующей в них лексики на основании полученного лексико-семантического «картаса». Это оказывается оправданным, поскольку нередко политические тексты отличаются значительной экспрессией, в которой трудно найти точку опоры. Также возможно исследовать различия тех или иных лексико-семантических полей в правовых и иных видах политических текстов. Представляется, что такой подход применим в исследованиях по политической лингвистике на материале разных стран и эпох.

ЛИТЕРАТУРА

Конституция (Основной Закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики : (принята V Всероссийским Съездом Советов в заседании от 10 июля 1918 г.) // Гарант : информационно-правовой портал. URL: <http://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1918>.

Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик : (утверждена постановлением Чрезвычайного VIII Съезда Советов Союза Советских Социалистических Республик от 5 декабря 1936 г.) // Гарант : информационно-правовой портал. URL: <http://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1936>.

Конституция Российской Федерации : (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года). URL: <http://constitution.kremlin.ru>.

Политология // Политология : словарь-справочник / М. А. Василюк [и др.]. — М. : Гардарики, 2001. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/Dict/.

Румянцева А. В. Комплексный анализ способов выражения множеств лиц в современном русском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — М., 2009.

Ушаков = Толковый словарь русского языка : в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. — М. : Гос. ин-т «Сов. энцикл.» ; ОГИЗ ; Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1935—1940.

Чудинов А. П. Политическая лингвистика : учеб. пособие. — М. : Флинта : Наука, 2007.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. Д. Б. Поцепня